

К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 2.
//Художественной литературы, Москва, 1988
FB2: , 25 April 2008, version 1.0
UUID: 7f5ed8b0-7fac-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Елка для взрослых

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0014
III.....	.0017

**Константин Михайлович
Станюкович
ЕЛКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ**

Лев Сергеевич Озорнин только что закончил утренний туалет основательной отделкой ногтей, удовлетворенно взглянул на свои красивые смугловатые большие руки с длинными пальцами и стал пробегать газету, отхлебывая маленькими глотками чай из стакана и попыхивая папироской.

Когда часы на письменном столе пробили десять, он поднялся с кресла и легкой походкой вышел из своего небольшого, недурно обставленного кабинета, весело напевая какой-то мотив и, по-видимому, находясь в том хорошем расположении духа, в каком бывают люди, которым жизнь улыбается.

Это был высокий, статный, красивый брюнет лет тридцати с коротко стриженными волосами и небольшой остроконечной бородкой, свежий, цветущий и элегантный в своем щегольски сшитом темно-синем вестоне [1] с ослепительно белыми стоячими воротничками, загнутыми у горла, и в мягких ботинках без каблуков.

В гостиной, убранной не без претензий на

роскошь, к Озорнину подбежал хорошенький мальчик лет пяти с распущенными по плечам волнистыми волосами и весело воскликнул:

– А елку уж принесли, папа!

– Принесли? – улыбнулся Озорнин и, приподнимая ребенка, поцеловал в его обе пухлые щеки.

– Она в кухне. Няня видела... Мама говорила, что завтра ее зажгут...

– Завтра, Володя. И она будет очень красивая, когда ее уберут, – отвечал Озорнин.

И, опустив мальчика на пол, он обратился к молодой пригожей няне в большом белом, с закинутыми назад лентами, чепце, какие носят парижские бонны, и внушительным, слегка строгим тоном, каким Озорнин говорил обыкновенно с прислугой, спросил, скользнув взглядом по хорошо развитому, крепкому бюсту свежей и румяной няни:

– Барыня встала?

– Встали-с. Сейчас выйдут! – отвечала няня и вся вдруг вспыхнула и потупила свои бойкие и лукавые карие глаза.

Озорнин приблизился к опущенной пор-

тьере и, раздвинув ее, постучал в двери.

– Можно! – раздался из-за дверей необыкновенно мягкий, нежный и слегка певучий голос, низкий и грудной.

Лев Сергеевич вошел в уютную, устланную ковром комнату, убранную с тонким вкусом и изящным кокетством женщины, любящей комфорт и хорошо понимающей значение и обаяние уютного женского гнездышка.

Расписанные по белому фону атласа цветами низенькие изящные ширмочки, скрывавшие пышную двуспальную кровать, комод, умывальник и маленький киот с образами, отделяли роскошный кабинет-будуар с мягкой мебелью, обитой шелком нежно-голубого цвета, с массой дорогих безделок на этажерке, письменном столике, на нарядном туалете, с фонариком и несколькими пейзажами на стенах.

В комнате было свежо и пахло какими-то вкусными духами.

– Это ты, Лева?

С этими словами маленькая женщина с роскошными белокурыми, отливавшими золотом волосами, надевавшая у туалета бле-

стящие кольца на тонкие пальцы своих маленьких белых рук, повернула головку и улыбнулась, открывая ряд мелких жемчужных зубов, нежной и в то же время властной улыбкой женщины, сознающей свою обаятельность. Улыбались и эти большие голубые глаза под густыми, искусно подведенными бровями, глаза с тем светлым, кротким и будто загадочным взглядом, который называется «ангельским» и служит источником многих заблуждений, – улыбалось и это свежее лицо с ослепительной белизной кожи рыжеватой блондинки, отливавшее нежным, розоватым румянцем и дышавшее здоровьем.

– Здравствуй, Лина...

– Здравствуй, Лева...

Она поднялась с табуретки – молодая, стройная, грациозная, хорошо сложенная, с тонкой талией и с роскошными формами груди, вырисовывающимися из-под шерстяной ткани безукоризненно сидевшего платья, – вся свежая, выхоленная, благоухающая, – протягивая свои алые, сочные и пышные губы.

Муж поцеловал сперва маленькую руку, душистую и атласную, и затем поцеловал же-

ну в губы.

– Экая ты хорошенькая, Лиана! – проговорил он, оглядывая жену, и прибавил: – Недаром ты всем так нравишься!

– Будто уж и всем? – улыбнулась маленькая женщина, видимо довольная комплиментом, и снова поцеловала мужа долгим поцелуем.

Назвать ее красивой было нельзя, – черты лица Лианы были неправильны: вздернутый нос не отличался красотой, лоб был мал, губы слишком крупны, – но и в этом лице, и во всей ее роскошной фигурке было что-то привлекательное, что-то вызывающее и чувственное, несмотря на ее «ангельские» глаза и сдержанно-строгий вид, и она нравилась мужчинам, особенно юнцам и господам «второй» молодости. Ей было двадцать восемь лет, что, впрочем, тщательно скрывалось, тем более что на вид ей можно было дать не более двадцати двух-трех.

Маленькая женщина отлично понимала исключительный характер своей красоты и своего обаяния на мужчин и недаром холила свое тело, возведя заботу о нем в какой-то

культ и предусмотрительно заботясь о сохранении своих чар на возможно долгое время. Она решительно отказалась иметь детей, кроме единственного своего первенца, и соблюдала строжайший режим жизни: брала ежедневно ванну, гуляла каждый день пешком, избегала есть мучное и сладкое, чтобы не пополнеть, и не любила засиживаться поздно.

– А ты вчера, Лева, верно, поздно вернулся?

– Поздно, Лиана, в третьем часу.

– У Волковых был?

– Да, в карты играл... Вернулся и не хотел тебя будить, чтобы поделиться приятным известием... Ты так сладко спала...

– Каким известием?..

– Я получил вчера наградные деньги.

При слове «деньги» лицо Лианы вдруг приняло серьезное, деловое выражение, и она с живостью спросила:

– Сколько ты получил?

– Много, Лиана... Я и не ожидал: четыреста рублей.

– Очень рада за тебя, Лева! – радостно промолвила Лиана. – Твою службу, значит, ценят.

Озорник едва заметно улыбнулся глазами и шутливо промолвил:

– Ну, милая, служба тут ни при чем...

– Как ни при чем?.. Ты ведь такой усердный чиновник...

– Положим, работаю, как и другие... Но все-таки... спасибо Ветвицкому... и твоим прелестным глазкам... Ведь из-за них, Лина, мне дали такую награду.

– Ты вздор говоришь! – промолвила, краснея, жена. – При чем тут мои глаза? Ветвицкий просто расположен к нам: и к тебе и ко мне одинаково.

– Ну, ну, не сердись, Линочка... Ведь я шучу...

– Глупые шутки!

– Не буду больше, моя хорошенькая женошечка! – с виноватым видом промолвил Левушка, целуя руку жены. – Ведь я знаю, что Ветвицкий... ну, одним словом... я несколько не ревную тебя к нашему директору.

– Еще бы ревновать к такому уроду! – весело рассмеялась Лина, глядя на своего красивого молодого мужа нежным взглядом. – Пусть ходит к нам изредка... Знакомство с ним для

тебя же полезно...

– Да разве я что-нибудь говорю? Конечно, пусть ходит... Было бы совсем глупо его не принимать... Он такой милый, Иван Александрович... Ну, получай деньги, моя хозяйюшка. Вот тебе триста рублей, а сто я оставлю себе.

– Оставь себе двести, Лева... Мне довольно двухсот... Я справлюсь.

– Справишься?! Что ж, я очень рад... Спасибо тебе... Ты у меня просто золото... Самый настоящий министр финансов! – говорил Озорнин, пряча в бумажник две сотенные бумажки. – Я только восхищаюсь твоими хозяйственными талантами... право... Как это ты только справляешься на двести пятьдесят рублей в месяц?.. Живем мы прилично, едим хорошо, бываем в театре... Ты всегда одета прелестно... Долгов у нас нет... Даже мой портной не надоедает мне, как прежде... И все это благодаря тебе...

– Во все вхожу, потому и справляюсь, – скромно отвечала Лина. – Ну, иногда у мамы возьму, мама дает... вот и сводим концы с концами, – прибавила Лина и втайне порадовалась, что ее Левушка совсем наивный чело-

век, хоть и считает себя умным.

В свою очередь и Левушка, отлично знавший, что у тещи, кроме маленькой пенсии, ровно ничего нет, с самым невинным видом прибавил:

– Я так и думал... Твоя мать такая добрая... такая любящая, Лина... Ну, однако, мне пора... Надо покупать подарки... Кстати, Лина, что тебе подарить?.. Я присмотрел уж у Фаберже хорошенькое кольцо... Ты любишь кольца... Я тебе куплю.

– Кольцо?! Не надо, не надо, Лева! Видишь ли: у меня были старые кольца, еще мама их подарила – и я отдала их ювелиру, и сегодня у меня будет хорошенький брильянтовый кабюшон [2] на мизинец... Спасибо за желание, Лева... Спасибо, голубчик...

– Ну так не хочешь ли серьги?

– У меня есть... Не траться... Что-нибудь, какой-нибудь пустяк подари...

– Ну я уж на свой вкус выберу... До свидания... Обедать меня не жди... Я сегодня обещал обедать у Зотова, а потом...

– Но как же, Лева... Сегодня к нам хотел прийти Ветвицкий обедать...

– Ну что ж... Пообедаете вдвоем... Ты извинись за меня, а я не могу... дал честное слово...

И Озорнин, поцеловав руку жены, вышел из комнаты.

«Бедный! он ни о чем не догадывается!» – подумала Лина и вышла в столовую пить кофе.

«Лева» был одним из тех молодых людей, которые смотрят на жизнь «трезво», как они выражаются, и отлично понимал и причину хозяйственных талантов жены, и того благополучия, которое совсем неожиданно снизошло на него вскоре после знакомства его патрона, директора департамента Ветвицкого, с его Линочкой... И эта внезапная дружба с ним, и повышение по службе, и новая обстановка квартиры, и появление брильянтов у жены, и эта особенная внимательная заботливость, которою окружала его Линочка в течение последних двух лет, и эти страстные ласки, какими дарила она его, точно в вознаграждение за обман, и эти горячие уверения в любви, в горячей любви вместе с допросами: любит ли Лева ее так же, как и она его, – все это не оставляло в нем сомнения, что она, Лина, с ее «ангельским» взглядом и страстным темпераментом, – близкая подруга его превосходительства Ивана Александровича Ветвицкого, довольно некрасивого господина второй молодости. Не из-за поцелуев же одних рук в

самом деле дарит он ей брильянты, дает деньги и протезирует супруга. Не такой он дурак, тем более что, несмотря на свои пятьдесят три года, его превосходительство еще крепок и бодр и смотрит молодцом.

Надо отдать справедливость обоим. Они вели себя с осторожностью. Связь их сохранялась в тайне, и в департаменте об этом не знали. Таким образом, апарансы [3] были соблюдены, и Лина в глазах всех родных и знакомых пользовалась по-прежнему репутацией недоступной женщины, преданной и влюбленной в мужа, и имя его не трепалось с обидной кличкой.

Было бы совсем глупо ревновать к Ветвицкому. Пусть себе пользуется, каналья, пока он сам не оперился... Благодаря этому он сделает карьеру... С такими соблазнительными и осторожными женщинами легко сделать карьеру... Досадно только, что Лина все заботится более о брильянтах и все получает их от маменьки, вместо того чтобы поскорей устроить ему повышение. Вот и теперь... дали к празднику только денежную награду, а между тем в департаменте открывается вакансия

начальника отделения... Уж он говорил об этом жене, но она, по-видимому, не довольно настойчиво просила эту «обезьяну»... Он вчера виделся с Ветвицким, и тот ни полслова... А таким случаем не воспользоваться грешно. Когда еще откроется новая вакансия?!

Такие трезвые мысли пробежали в голове Льва Сергеевича, когда он ехал на Невский...

И вдруг голову его осенила блестящая мысль. Он весело улыбнулся, велел остановиться у Милютиных лавок и потел есть устрицы.

Часов в десять вечера Озорнин подъехал к дому и поднялся к дверям своей квартиры. Отперев ее своим ключом, он снял с себя пальто, увидел, что черно-бурый медведь Ветвицкого висит на вешалке, и, весело улыбаясь, прошел через гостиную, остановился у дверей спальни и приложил ухо. Ничего не слышно. Лев Сергеевич не решался войти – это не входило в его расчеты. Тогда он заглянул в замочную дырочку и увидел картину, вызвавшую улыбку на его лице. Прямо против дверей, на маленьком диванчике («надо непременно переставить диванчик!» – подумал Лев Сергеевич) сидел Ветвицкий и рядом Лина... Лампа освещала ее лицо, улыбающееся обычной кроткой ангельской своей улыбкой, в то время как его превосходительство жадно целовал ее руки из-под широких рукавов капота.

И Озорнин тихо отворил двери и вошел.

Его превосходительство, красный как рак и несколько растерянный, уже сидел в низеньком кресле и слегка сопел, не то от испу-

га, не то от волнения, а Лина, чуть-чуть побледневшая, откинулась в уголок дивана.

– Здравствуйте, Иван Александрович... Очень рад, что вас застал! – проговорил самым любезным и добродушным тоном Озорнин, пожимая слегка вздрагивающую руку его превосходительства. – Спасибо, что не оставили скучать Лину одну... А я, Линочка, – обратился он к жене, целуя ее руку, на мизинце которой сверкал новый кабюшон, – рано уехал от Зотовых... И голова болела, и, главное, карта не шла... И то тридцать рублей проиграл... Вообразите, Иван Александрович, два раза без трех остался на большом шлеме...

– Неужели?! – поспешил удивиться его превосходительство.

– Уж такое несчастье... Видно, Лина меня уж очень любит... Хоть бы одна игра...

– Это, Лев Сергеич, бывает... Уж если не повезет, то ничего не поделаешь... Однако пора... Одиннадцатый час... И то я заговорил Полину Николаевну... Уж вы простите... Старички – болтливый народ.

– Куда вы, Иван Александрович?.. Еще рано...

– Нет, пора...

И его превосходительство, торопливо простившись, вышел из комнаты, провожаемый Львом Сергеевичем.

– Не забывайте же нас, ваше превосходительство... Мы с женой всегда рады вас видеть! – говорил Озорнин, крепко пожимая руку Ветвицкому...

– И я... поверьте... Я вас так уважаю и люблю, Лев Сергеич! – повторял его превосходительство и улыбался как-то жалко и растерянно.

– А ты что, Лина, такая печальная... Или Ветвицкий тебя усыпил? – говорил Озорнин, возвращаясь в спальню. – Ну, пора спать, моя милая... Пойдем?

И он привлек ее к себе и нежно поцеловал.

Безмолвная и смущенная, она горячо прильнула к губам мужа и прошептала:

– Лева... Лева... Ведь я тебя одного люблю...
Одного тебя...

– А то кого же?

– Ты, может быть, думаешь...

– Ничего я не думаю... Полно, Линочка, – перебил Озорнин готовое сорваться призна-

нье. – Отчего и не позволить Ветвицкому поцеловать руку... Пусть целует... и даже дарит за это такие прелестные кольца... Я не в претензии... А ты и мне устрой подарок завтра на елку... Попроси Ветвицкого, чтобы он назначил меня начальником отделения... Он ведь для тебя все сделает... особенно теперь! – подчеркнул Озорнин.

– Я ему скажу! – робко прошептала Линочка.

– Да знаешь ли что?.. Ужасно неудобно стоит у тебя этот диван... Прямо против дверей... Как-то не к месту...

– Я велю переставить.

– То-то переставь, милая... И какая же ты хорошенькая! – проговорил Лев Сергеевич, любуясь женой. – Просто прелесть...

И он стал целовать жену...

Изумленная, та отвечала горячими поцелуями.

На другой день вечером зажжена была хорошенькая елка. Маленький Володя был в восхищении, но едва ли не в большем восхи-

щении Лев Сергеевич, только что получивший от его превосходительства записку о назначении его начальником отделения.

– Милая... Спасибо тебе! – говорил Лев Сергеевич, целуя хорошенькую ручку Лины и надевая на ее мизинец рядом с брильянтом красивую бирюзу...

Лина, в свою очередь, поблагодарила мужа нежным поцелуем, и оба они чувствовали себя бесконечно счастливыми.

пиджаке (*фр.* veston)

[^^^]

2

Драгоценный камень, отшлифованный соответственно его природной форме (*искаж. фр. cabochon*).

[^^^]

3

Здесь: приличия (от *фр.* apparence – видимость, внешность).

[^^^]